

Серия «Вертибук. Удобная классика»

Маргарита Симоньян

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

**В КОНЦЕ БУДЕТ
ЦИФРА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С37

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Симоньян, Маргарита Симоновна.
С37 В начале было слово — в конце будет Цифра. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 768 с. —
(Вертибук. Удобная классика).
ISBN 978-5-17-184103-4

Давно отгремела ядерная война, давно изобрели медицинское воскрешение, и на Земле, населенной сотней миллиардов воскрешённых людей, официально объявили последние времена. Развалины бывших городов украшены портретами святой свиньи Гертруды, которой в далеком 2020 году Илон Маск впервые вживил чип. Сейчас уже все человечество прочипировано — впрочем, слово «человек» запрещено Демократией, как и слово «Бог». Миллиардами человекоподобных правит «Искусственное Я».

Так проходят последние дни в ожидании конца света.
Молодой ученый Альфа Омега и его ассистентка ищут способ спасти человечество, но осознают, что сделать это можно только бросив вызов всесильному ИЯ.

Маргарита Симоньян написала роман о том, как реально произойдет Апокалипсис — в строгом соответствии с библейскими пророчествами. В интервью автор рассказывает, что эта книга стала главным делом ее жизни: «Бог есть, а смерти нет. Но только для тех, кто поторопится заслужить рай и бессмертие, ведь времени почти не осталось.»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184103-4

© Симоньян Маргарита, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

*Необходимость написания этой книги продиктована
Откровением Иоанна, также известным как Апокалипсис.
Потому что он уже близко.*

СЛОВО

*Блажен читающий и слушающий
слова пророчества Книги сей.*

Откровение Иоанна

В одну из ночей первого века, еще до рассвета, до рыбаков и четвертой стражи, Прохор с Учителем покинули город, приютивший их на много лет. Когда-то давно Учитель впервые пришел в Эфес вместе с Ней, спасая Ее от флагрумов — римских плеток с костяными крючьями на концах, которыми первоклассные палачи Нерона наловчились за пять ударов сдирать с человека всю кожу.

Город сначала подсунул Учителю своих бесноватых, и он изгнал бесов, потом больных — и он их исцелил, потом мертвых, и он их воскресил, но за все это неблагодарный город забросал его насмерть камнями. Тогда Учитель молитвой вызвал неслыханный зной, от ко-

торого в один миг сгинули двести из побивавших его, а сам он остался цел.

Он не смог умереть и в Риме, куда его привели в кандалах и заставили выпить чашу с цикутой, а потом бросили в кипящее масло, но на нем, чуждом тлению плоти, не осталось даже ожога. Когда все, с кем он вкушал хлеб и вино, отошли к Господу (включая самого Господа), Учитель, повинувшись чему-то неодолимому, так и не понятому Прохором, сам удалился в пещеру без пищи, и через много дней в этой пещере ангел открыл ему что-то совсем уже непонятное, страшное, то самое, что он теперь диктовал Прохору.

— Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы, — произнес Учитель, щурясь от низкого солнца, которое, приготовляясь язвить все живое, медленно поднималось над каменистой тропой, карабкающейся по холму.

— «И нет в нем никакой тьмы», — шепотом повторил Прохор, записывая на ходу. — А мы и сегодня не будем есть, Учитель?

— Я ведь просил тебя не называть меня Учителем. У нас только один Учитель. Неужели ты не понимаешь этого?

— Я понимаю, Учитель, — быстро сказал Прохор и тут же испуганно остановился. Учитель только устало махнул посохом.

— Разве мы не ели сегодня, отрок? — спросил он через минуту.

— Нет. И вчера не ели.

— А что же тебя не накормила торговка, которой ты всю ночь помогал переносить тюки?

— Она дала мне за это белый платок. Ты же сказал, Учитель, найти где-то белый платок, но не красть.

Учитель не отвечал. Позади серебрился Эфес, пожираемый завистью к своему прошлому и презрением к своему будущему. В прошлом здесь славно забили камнями дочерей перса-градона начальника, и в честь победы над персами сам Александр Великий заложил первый камень в основание четвертого чуда света — храма охотницы Артемиды, а когда от Эфеса отказалась река, отравив его малярией, город отстроил сам себя заново далеко от презренной реки, ближе к благословенному морю.

В нашей эре Эфес стал вторым после Рима, только чище и интереснее Рима: таким чистым, что юноши любовались собой в его мра-

морных мостовых, как в зеркалах, а в городских уборных именитые горожане проводили дни в беседах и отдыхе от летнего зноя; таким интересным, что в одном из двух городских театров не только гремели будничные гладиаторские бои, но и однажды бичевали Павла, называвшего себя Апостолом.

Покидая город, Прохор с Учителем еще не знали, что Эфесу предназначено было стать столицей новой империи, душой новой веры, подкравшейся к его виноградникам в пергаментных свитках Учителя, но он ей не станет, его обойдет выскочка-Константинополь; и сам город еще не чувствовал своего будущего бесчестия, когда он разнесет по камешку храм Артемиды, перетрет на известку статуи своих бывших богов, чтобы опять построить из этих камней и известки самого себя заново, догоняя ушедшую воду, потому что на этот раз от него отвернется море — в результате то ли землетрясения, то ли разочарования.

Всю оставшуюся дорогу Учитель молчал, только изредка произнося что-то вроде «и нет в нем никакой тьмы», и посох его стучал по сизым камням и стволам олив, на которых отдыхала еще не проснувшаяся

саранча, а из-под встревоженного его поступью камня выстреливал скорпион.

Проходя мимо чахлой смоковницы, Прохор хотел было перекусить хотя бы ее плодами, но не нашел ни одного — и слава Богу, поскольку плоды смоковницы в это время незрелы, и их ядовитый молочный сок выжигает гортань.

Из-за склона навстречу вынырнул караван. Мулы, груженные тканями, побрякушками из хризопраза и ясписа и драгоценным шафраном, заняли всю тропу. Погонщик замахнулся на Учителя палкой, но тот опять промолчал.

С полдороги за ними пристроилось, жалобно блея, стадо овец, потерявшее своего пастуха. Впереди, зазывая путников, трепетали длиннопалые ветки оливковой рощи, каменистый склон был выстлан розмариновыми кустами и отцветавшей лавандой, над которой носились пчелы, и не было слышно ни каравана, ни проснувшегося Эфеса, налитого грохотом колесниц, груженных повозок, базаров и площадей, где побивали камнями блудниц и пророков.

— Пришли, отрок. Дай заступ, — сказал Учитель.

Он остановился недалеко от старой оливы, у которой снизу, под сизыми листьями трепыхались полумертвые желтые. Олива напомнила Прохору брошенную собаку с базара, с такой же свалывшейся под брюхом желтой отжившей шерстью. У этого пса давно погибли все, к кому он когда-либо привязался, и стаю его перемучили ничего не знающие и оттого особо жестокие дети, — и Прохору стало жалко себя.

Как будто почувствовав это, Учитель сказал:

— Видишь лаванду? Когда все закончится, поищи себе мед.

— Что закончится, Учитель? — настороженно спросил Прохор.

Но Учитель опять промолчал и постучал заступом по земле. Земля отозвалась лязганьем камня и змеиным шипом песка. Утерев лицо рукавом своего выцветшего хитона, когда-то коричневого, а теперь грязно-бурого, как давно пролитая кровь, Учитель ударил заступом.

— Ты правильно записывай, Прохор. Они и без твоих ошибок все перепутают.

— Учитель, почему ты не даешь мне тебе помочь? — осторожно начал Прохор.

— Если ты будешь копать, кто же будет Слово Божье записывать? Я-то уж букв не вижу. А камни вижу пока.

— Потом запишу.

— Потом не получится. Время пришло.

Через час заблудившееся полупрозрачное облачко споткнулось о солнце и на минуту спрятало его, как будто накрыло саваном. Солнце мгновенно перестало жалить, оставив только крахмальные ленты трех пыльных лучей между веток оливы.

Учитель, тяжело утерев пот, осторожно спустился в яму. Камни лязгали, против воли двигаясь под его ногами. Песок недовольно шипел.

— Для чего эта яма, Учитель? — спросил, наконец, Прохор, и лицо у него скривилось, как у младенца, собирающегося заплакать.

— А где платок, отрок?

Прохор, не смея повторить свой вопрос, достал из котомки платок, который ему отдала торговка. Учитель взял платок, подержал его,

приложил к лицу. Поднял к небу седую голову и воскликнул радостно и торжественно:

— Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь.

— Это тоже записывать, Учитель? — спросил, давась комом в горле, Прохор.

— Тоже, тоже. Устал писать, отрок? Все. Это последнее слово. Уже больше ничего не будет... Ей, гряди, Господи Иисусе! Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.

Учитель вдруг воздел руки к небу и засмеялся по-детски: счастливо и бесспорно, — такого смеха Прохор никогда раньше у Учителя не замечал. Из-под седых ресниц пробивались скудные слезы.

— А теперь, — сказал Учитель, — подай чернильницу и перо.

Прохор, не смея перечить, молча протянул Учителю чернильницу и перо. Учитель небрежно бросил их в яму. Длиннопалые сизые ветки испуганно вздрогнули.

По ближайшей горе карабкался виноградник. Ровно в полдень слепящее солнце водрузилось на вершину этой горы, венчая склон

виноградника, и гора стала похожа на разодетого в пышный зеленый бархат мифического циклопа, о котором Прохору рассказывала гречанка-торговка.

Учитель подоткнул хитон, ощупал острые камни ямы, встал на колени. И вот тут Прохор не выдержал — разрыдался так, что позавидовала бы вчерашняя гроза над Эфесом, сорвавшая камышовую крышу с лачуги вдовы-христианки, приютившей Учителя с Прохором, в которой они спали на жестких циновках, когда возвращались с разбитыми пятками после проповедей в селениях, где им поначалу никогда не бывали рады, но Прохор знал, что к концу дня, когда закат уйдет за камышовые крыши, попытаюсь поджечь их нижней горячей дугой, вдовы, сироты, калеки, а иногда и здоровые, сытые, будут, толкаясь, ползти за Учителем, спеша потрогать хоть край его оборванного хитона цвета давно пролитой крови.

— Все ли ты истинно записал, Прохор? Не пропустил ли ты главное, отрок? — не обращая внимания на рыдания Прохора, спросил Учитель.

— Главное? Что тут главное? — воскликнул Прохор, размазывая по лицу слезы и пыль. — Что у саранчи женские волосы и хвост скорпиона? Что у всадников хвосты из змей? Что животные исполнены очей спереди и сзади? Что все погибнет — и деревья, и реки, и море, и суша? Что тут главное???

Учитель закрыл руками глаза в белесых старческих бельмах.

— Ничего ты не понял, Прохор!

— Да никто ничего не поймет! — закричал в отчаянии Прохор. — Никто никогда ничего не поймет!

— Когда придут последние времена, все всё поймут, — устало сказал Учитель и значительно оглядел яму.

Прохор, вцепившись в оливу, как будто она могла быть спасением, зажмурил глаза. Он не увидел, а лишь догадался по лязганью огрызающихся камней, что Учитель улегся в свою могилу. Заблудившееся овечье стадо душераздирающе блеяло.

Учитель скрестил на груди руки, губы его затрепетали.

— Когда придут последние времена... — прошептал он. — А теперь пришло мое время. Сыпь, отрок!

Прохор оторвал себя от оливы, исцарапав лицо и погубив несколько длиннопалых веток, и закричал:

— Нет!!! Я не могу, Учитель! Не требуй от меня!

— Я ничего не требую, отрок, — сказал Учитель, чуть повышая голос. — Это Господь требует. Такова Его воля. Ты осмелишься послушаться Его? Ты? Лучший из моих учеников???

Учитель накрыл лицо полупрозрачным платком. Дрожа всем телом, Прохор неслушающимися руками взял заступ, не в силах противостать надвигающейся на него Божьей воле, которую он столько лет старался понять, но так и не понял.

Поначалу Учитель еще видел свет сквозь полупрозрачную ткань платка, накрывшего его, как облачко за час до этого накрыло солнце, но комья земли, песка и камней вскоре закрыли свет, и осталось только удушье, немногим мучительнее духоты перед вчерашней грозой, а наступившее после удушья бессилие почти походило на безмятеж-

ность, избавив Учителя, по крайней мере, от привычной бессонницы, прикормленной похотливой греческой похвальбой почтенных отцов семейств, которые входили на закате в библиотеку Цельса, и жены почтенных греков делали вид, что не знают о подземном ходе, прорытом от библиотеки напрямик в бордель, откуда отцы семейств вываливались ближе к полуночи, уже не заботясь о том, что их кто-то увидит и кто-то осудит.

«Гряди, гряди, гряди», — стучало в висках. Потом стук отдавался глухим посторонним эхом, пока и эхо совсем не умолкло, и не исчезло душераздирающее бление заблудившегося овечьего стада, умолк заступ, умолкла кровь в пересохших жилах, и за мгновение до забвения Учитель увидел склонившееся над ним освещенное пыльным лучом лицо босоногого человека с длинными шелковыми волосами, странно шелковыми для бродяги, — то же лицо, что годы назад улыбнулось ему и сказало: «Брось свою рыбу и следуй за мной, Иоанн».